

II

ԳԵՂԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՏԵՍԱԿԱՆ ՀԱՐՅԵՐ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЭСТЕТИКИ

ЦЕННОСТНОСТЬ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Теоретическое обоснование и введение в систему эстетических категорий понятия “эстетическая оценка” связано с утверждением аксиологического подхода к эстетическим явлениям. Категория “эстетическая оценка” есть, таким образом, результат развивающейся системы важнейших эстетических понятий. Метод, которым мы в данной статье оперируем, можно назвать категориальным.

Аксиологический аспект помогает понять эстетическую оценку как отношение к действительности, объективную основу которого следует искать в свойствах предметов реального мира, отграничивая при этом эстетические свойства от других, неценностных свойств. Ничто иное как практика эстетического отношения привела к тому, что и объективная и субъективная стороны эстетического отношения обрели относительную самостоятельность. Именно развитие субъективной стороны и обусловило формирование такой эстетической способности, как эстетическая оценка наряду с другими эстетическими способностями (вкус, восприятие, потребность, идеал и т. д.). Эстетическая оценка — способ установления эстетической ценности какого-либо объекта, осознанный результат эстетического восприятия. Субъект же эстетических оценок, говоря словами С.Рубинштейна, “выступает как внутреннее условие раскрытия объекта”, эстетическое содержание которого ему реально доступно.

Именно ценностный подход раскрывает связь между объектом эстетической оценки и субъектом, обусловленность объектом важнейших черт эстетического восприятия. Человек способен объективно верно судить, а значит, и оценивать явления действительности, когда у него сложились определенные взгляды, убеждения. Сле-

довательно, эстетическая оценка — это способность индивида, направленная на познание, различение и отраженные эстетического своеобразия мира.

Рассматривая конкретное суждение “этот предмет красив”, мы данным эпитетом обозначаем и то, каков он, и то, каково наше к нему отношение, ибо в этом слове зафиксировано чувство удовольствия, которое у нас возбуждало созерцание предмета. Оказывается, что структура понятия “красота” противоречива: прекрасное двойственно по своему содержанию. Оно, как и любая другая эстетическая категория, включает в себе двоякую информацию — и об объекте и о субъекте: оно говорит и о воспринимаемом предмете, и о воспринимающем предмет человеке. Оно есть не только определение предмета, но и его оценка. А это значит, что то свойство, которое определяется понятием “красота”, есть не чисто предметное, не чисто объективное свойство мира, существующее вне человека и независимо от человека, а такое свойство, которое выражает отношение между природой и человеком, между объектом и субъектом.

В любом другом эстетическом явлении мы увидим то же единство объективного и субъективного. Если сказано, например, что тот или иной подвиг возвышенный, мы получаем опять-таки двоякую информацию: мы узнаем и то, что кто-то совершил нечто необыкновенное, героическое, самоотверженное (т.е. объективное), и то, что сказавший это восхищается этим человеком и преклоняется перед ним (субъективное). Так же точно, если сказано о ком-то, что он совершил безобразный или низменный поступок, мы безошибочно догадываемся и об объективном содержании этого поступка — мы понимаем, что совершено нечто трусливое, подлое, бесчестное, и о том, что данный поступок вызывает чувство отвращения и презрения.

Таким образом, если в любом эстетическом явлении есть единство объективного и субъективного, то эстетическое является результатом взаимодействия природы и человека, материального и духовного, объекта и субъекта

(который не сводится ни к чисто объективным качествам материального мира, ни к чисто субъективному человеческому ощущению).

Тем самым в своеобразной системе объектно-субъектных отношений складывается ценность. Характеризуя объект в его отношении к субъекту, можно отметить, что ценность возникает в процессе определения связи предмета с тем, что нужно человеку, а передающая отношение субъекта к объекту оценка — в процессе осознания субъектом данной объективно формирующейся ценности. В частности, прекрасное есть ценность, а его эстетическое восприятие, эстетическое переживание, эстетическая оценка — форма оценивающей деятельности эстетического познания.

В процессе развития общества и возникает потребность в особой форме познания, которая бы закрепляла, формировала, развивала эстетическое отношение к действительности.

Эстетическое познание и эстетическая деятельность взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Эстетическое отношение человека к действительности состоит в единстве эстетической деятельности и эстетического познания. Определяющим в этом единстве является практика, общественная практика в целом, в том числе и художественная деятельность.

В процессе практики, по мере ее развития, раскрывается эстетическое богатство мира. Так, первоначально природа не пробуждала эстетического отношения. Лишь по мере ее практического познания человек научился оценивать те или иные явления природы не только по принципу непосредственной утилитарной пользы, но и эстетически. И не случайно исторически первыми объектами эстетического отношения человека были орудия и предметы его труда (оружие, утварь, промысловый зверь) и сам труд.

Как видим, в эстетическом отношении человека к действительности выражается и природа самого общественного человека, социальные условия его жизни, уро-

вень развития. Обогащение духовной жизни человека способствует различению в вещах и явлениях не только полезных обществу свойств, но и свойств, доставляющих эстетическое наслаждение.

Так как наслаждение красотой предмета не вызвано желанием обладать им, присвоить его и так или иначе использовать; так как значимость эстетического познания заключена не в результате, не в итоге, а в самом процессе любования красотой; так как, наконец, эстетическое восприятие дорого человеку во имя самого процесса восприятия, то оно не имеет никаких целей вне себя. Иными словами, для индивидуума значимость эстетического переживания в самом переживании, и лишь с точки зрения социально-исторической оно оказывается средством достижения более общих целей — развития человека и всего общества. Удовлетворив свои непосредственные жизненные нужды, человек перестает зависеть от внешнего мира, перестает быть рабом вещей, обретает свободу. Шиллер называл красоту “образом свободы” — ведь эстетическое отношение к предмету возникает лишь тогда, когда человек ему не подчинен, когда он свободен от власти предмета.

В эстетической оценке явлений действительности неразрывно слиты объективный и субъективный моменты. Совершенство того или иного явления в своем роде, целесообразность форм, правильность линий и т.д. есть те объективные признаки прекрасного, которые существуют вне сознания человека. Но чтобы обнаружить свою красоту, объективному явлению недостаточно иметь лишь закономерно правильную форму, ему надо, помимо этого, соответствовать эстетическим понятиям людей, их представлениям, формирующимся на основе социальной практики. И в эстетической оценке проявляется, с одной стороны, значимость того или иного художественного явления, соответствие его потребностям и интересам конкретного субъекта, а с другой стороны — характеризуется сам оценивающий субъект, уровень его эстетических потребностей и интересов.

В эстетической оценке мы оцениваем не способность предмета удовлетворять какую-то потребность, а нечто иное: предмет имеет не только свои материальные свойства, но и результат созидательной деятельности (отпечаток труда и творчества человека, который является зеркалом достигнутого им развития и совершенства). Иными словами, оценивается уровень проявленного человеком развития и совершенства без какой-либо конкретной цели и безотносительно к утилитарно-практическим потребностям как самого оценивающего, так и общества в целом. Если подходить к любому конкретному проявлению человека с этой точки зрения — значит отнестись к нему и оценить его эстетически. Ведь эстетическая реальность есть взаимосвязь и переплетение эстетических ценностей, есть объективный процесс, проявляющийся в социальной жизни и в искусстве.

Отнюдь не случайно о незаинтересованности, бескорыстии, отсутствии цели говорили многие эстетики и, прежде всего, Иммануил Кант. Свойственны ли эти качества эстетической оценке? И да и нет. Если под “незаинтересованностью”, например, понимать отсутствие какого-либо практического интереса и личной выгоды, как, кстати говоря, “незаинтересованность” понималась Кантом, то — да! Если же под “незаинтересованностью” понимать отсутствие высшего, духовного интереса, как её пытались трактовать некоторые последователи великого немецкого философа, то — нет. То же самое следует сказать и об “отсутствии цели” при эстетической оценке. Кантовское “целесообразное без цели” означает то, что, давая эстетическую оценку, следует определять не практическое, целевое назначение вещи, а её целесообразность, не полезность вещи, а уровень проявленных в ней творческих способностей.

В целом взгляды Канта на эстетическую оценку позволяют сделать следующие выводы:

1. Эстетическая оценка, или “суждение вкуса”, — свойственная всем людям человеческая способность;

2. Человек в данном случае выступает как личность, как представитель рода, оценивая с позиций развития человеческих способностей все предметы и явления реальной действительности.

Именно отсюда вытекают и общность и различие в эстетическом отношении к действительности. Однако это выводы из Канта, а не самого Канта. Всё, как видим, зависит от того, как трактовать особенности эстетической оценки, какой смысл в них вкладывать.

И ведь недаром, пробуждая "к новой жизни" поэзию Байрона как тесное взаимодействие этического и эстетического, а также живо ощущая историю, Достоевский пишет: "Байронизм, хотя был и моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества (да чуть ли не в жизни и всего человечества). Байронизм появился в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния" ("Дневник писателя", 1877 г.).

Байронизм, появление которого Достоевский, в частности, связывает с неудачами великой Французской революции, отчаянием и протестом против нового владыки — буржуа, рассматривая его как приобщение к чужой жизнедеятельности и обогащение при помощи неё своей собственной. Ведь Байрон — это тот "великий и могучий гений, страстный поэт", творчество которого подготовило и развило уровень воспринимающего и оценивающего (выразительно-оценочный эстетический уровень) действительность.

Хотя революция 1830 года подвела итог байронизму, но словом "байронист" браниться нельзя: поэт и поэзия не только порождаются жизнью, но они и порождают жизнь. При этом итог эстетической оценки необходимо сопрягается с оценкой объекта как с точки зрения нравственной, так и политической.

Богатство и активность реальной жизни непрерывно обновляют представления о том, что есть прекрасное, что есть красота, что есть гармония. Последнее, по мысли французского учёного Поля Вилара, "требует, чтобы

научно обращались... с социальным окружением". Тем самым богаче и многообразнее станут реальные стороны эстетического, то есть станет богаче и многообразнее сам эстетический объект, охватывая разные стороны которого станут богаче и многообразнее эстетические оценки не только как знание, но и как познание, как "стремление слить воедино природную форму предмета и мысль человека о нём".

Таким образом, переводя "прозаический мир" в эстетический план, в "идеальную сторону бытия" (Гегель), мы рассматриваем эстетическую реальность как взаимосвязь и переплетение эстетических ценностей, как объективный процесс, проявляющийся в социальной жизни и в искусстве.

Человек как личность по-новому организует и оценивает этот мир, его жизненные проявления и ценность, выражая оценку эстетического с позиций наших представлений о прекрасном, то есть с точки зрения идеала — образа "цели человеческой деятельности". В целом, данная точка зрения существует в эстетической науке как единая и не подвергаемая сомнению.